

Варшава.

Какъ прекрасна Варшава! Какіе дома, театры, храмы, дворцы, мосты! Полнолюдны и въ непрерывномъ движеніи, прелестныя улицы, откуда такъ трудно уйти въ комнату... И почти невѣроятной, даже нестерпимой кажется мысль, что вотъ могли придти сюда враги и разрушить удивительный городъ...

Варшава полнолюдна, но живетъ жизнью напряженной и тревожной. Жестокости калишскаго нѣмецкаго разгрома въ первые дни навели на всѣхъ столбнякъ недоумѣнія и страха. Очевидно, это былъ со стороны нѣмцевъ холодный расчетъ: поражать враговъ не только пулями, снарядами и штыками, но и ужасомъ. Врядъ ли расчетъ дальновидный! Ужасъ можетъ смѣниться негодованіемъ, негодованіе—презрѣніемъ. Даже побѣдителямъ нужно бываетъ историческое оправданіе. А побѣжденнымъ?!

При малѣйшей тревогѣ жители бѣгутъ изъ населенныхъ мѣстъ Польши, какъ безумные. Въ Варшаву все еще прибываютъ бѣглецы изъ Калиша. Съ однимъ изъ нихъ я разговаривалъ. Это молодой, лѣтъ 20, паренекъ, служилъ на фабрикѣ кружевъ. Онъ бѣжалъ изъ Калиша послѣ того, какъ Прейскеръ

цѣлый день мучилъ ихъ ужасомъ разстрѣла, держалъ иолунагихъ на площади около мельницы Купига, потомъ въ казармахъ. Всѣ мы уже читали объ этомъ, но въ передачѣ пострадавшаго это производить новое и потрясающее впечатлѣние. Вотъ нѣкоторыя подробности.

По словамъ рассказчика, нѣмецкіе солдаты (большинство — поляки, запасные), вели толпу мужчинъ (нѣсколько сотъ человѣкъ) на площадь, бранились и грозили: „вотъ мы васъ сейчасъ разстрѣляемъ, какъ вы въ насъ стрѣляли!“ Тѣ, которые шли рядомъ съ солдатами, старались отойти въ средину толпы, чтобы не слышать угрозъ. Солдаты за это многихъ ранили штыками.

На площади сортировали людей для разстрѣла тоже штыками, многихъ ранили. Сначала строили рядами по 50 человѣкъ: рядъ приговоренныхъ, а за ними рядъ солдатъ съ винтовками. При этомъ приговоренные составили внѣшній четырехугольникъ, а солдаты — внутренній.

Потомъ перестраивали четырехугольными колоннами по 10 человѣкъ сторона колонны, а всего по сто человѣкъ въ каждой колоннѣ. Многие плакали, умоляли: „за что вы насъ хотите убить?!“.

Офицеры и солдаты спрашивали, нѣтъ ли прусскихъ и австрійскихъ подданныхъ. Нашлись такіе, а нѣкоторые назвались германскими подданными изъ страха. Кто могъ представить документы, того отпускали. Остальныхъ били и возвращали въ ряды.

Когда разстрѣлъ былъ отерченъ и людей заперли въ казармы, раненые жаловались офицеру. Ихъ отправили на перевязку.

Въ 8 час. вечера пришелъ Прейскеръ и прочиталъ

последовательно три своихъ приказа: всѣхъ предать смерти, разстрѣлять десятаго, отправить въ Познань военноплѣнными и, наконецъ, телеграмму Вильгельма о дарованіи жизни. „Будьте благодарны!“.

Ночью же всѣ они ушли изъ города. Проходя по Новому рынку, мой собесѣдникъ видѣлъ на землѣ мертвую женщину съ ребенкомъ. Патруля они не встрѣтили и шли 22 версты до села Цековъ, гдѣ были русскіе драгуны.

Недавно юноша снова хотѣлъ пробраться въ Калишъ, взять что-нибудь изъ своего скарба. Онъ видѣлъ вокругъ города загражденія шириной до 2 сажень изъ колючей проволоки и бочекъ, но въ Калишъ не проникъ.

По всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ прибываютъ въ Варшаву раненные. Задолго до прихода такого поѣзда у вокзала собираются толпы народа. Это вновь и жутко волнуешь. Хочется хоть издали взглянуть на тѣхъ, кто вблизи видѣлъ страшное лицо войны.

Шелъ я мимо Вѣнскаго вокзала въ полночь. Подѣхала санитарная линейка. И черезъ нѣсколько минутъ большая толпа народа окружила зданіе вокзала. Внутри пускали только съ разрѣшенія коменданта станціи. Подошелъ небольшого состава поѣздъ, всего одинъ салонъ-вагонъ съ ранеными. Въ переднемъ вагонѣ — стража изъ солдатъ. Вмѣстѣ съ больными — врачъ, сестры милосердія, санитары. Раненыхъ выводятъ подъ руки. Кои могутъ, выходятъ сами. Вынесли казака съ протрѣвленной головой. Казачій офицеръ, стиснувъ челюсти, медленно сошелъ съ подножки вагона и безъ словъ плечемъ отстранилъ санитаровъ, желавшихъ ему помочь. Пошелъ по гладкой широкой платформѣ къ выходу. А навстрѣчу ему широко раздвига-

лась, жадно заглядывала въ глаза молчаливая и взволнованная толпа.

Долго не могли уложить на носилки солдата, раненаго въ ногу и въ пахъ. Онъ попискивалъ, стоналъ тоненькимъ голоскомъ, наконецъ, съ трудомъ приподнялся и самъ передвинулъ, какъ надо, рукой большую ногу. Понесли. Онъ прикрылъ фуражкой лицо и со стономъ дышалъ въ нее коротко и неровно.

Былъ я въ одномъ изъ городскихъ лазаретовъ. Полдень, пріемные часы. Много женщинъ принесли въ ведрахъ компотъ, корзины булокъ, пирожнаго, папиросы, ходять и раздають.

Много раненыхъ въ руки. Когда я спросилъ одного солдата—почему?, — онъ отвѣтилъ коротко и остроумно:

— Потому что тѣ, кои ранены въ голову, остались на полѣ битвы.

Слушаешь десятки разсказовъ, одинаковыхъ, какъ и сами солдаты, какъ тѣ условія, въ которыхъ одновременно находились въ бою тысячи и десятки тысячъ людей, и чувствуешь, что узкій кругъ личныхъ впечатлѣній уже томить разсказчиковъ. Война — явленіе огромное, она такъ много говорила воображенію еще съ дѣтства. А тутъ случилось все такъ просто, буднично и несложно, даже рана и самая смерть... Вотъ сидѣлъ въ прикрытіи, шелъ рано утромъ въ составѣ своей роты къ лѣсу, на взгорокъ, разорвалась бомба и онъ выбылъ изъ строя.. Неужели все? Не можетъ быть? Да ему и не повѣритъ никто, что онъ только это видѣлъ и знаетъ!

Потомъ и другое мнѣ показалось: точно они разсказываютъ какой-то сонъ. Неуловимо и, пожалуй, не-

передаваемо на словахъ, хотя несложно. И станетъ яснымъ только тогда, когда расскажешь хоть какими и-нибудь словами... Мы разговариваемъ съ солдатомъ, а за моей спиной проснулся раненый, глядитъ на насъ недоумѣвающимъ взглядомъ; вытеръ здоровой рукой потное лицо, переложилъ осторожно больную.

— Вотъ такъ проснусь и долго не могу вспомнить— гдѣ я нахожусь?

Принимая больныхъ въ первую очередь, варшавскіе госпитали довольно быстро очищаются, готовясь принять новыя партіи раненыхъ послѣ крупныхъ боевъ.

